

Романтик, обогнавший время

Секреты хозяйственного таланта Героя Беларуси Александра Дубко и сегодня востребованы его учениками и коллегами

10 августа 2000 года Президент Александр Лукашенко находился в рабочей поездке по Гродненской области и встретился с председателем облисполкома Александром Дубко

Всегда быть на коне

В бытность Дубко председателем колхоза строго спрашивали за урожаи зерновых, надои молока, привесы на откормах. Плюсуешь по сравнению с прошлым годом — хорошо, минусуешь — плохо. За минусы и партбилет можно потерять. Более того, инициатива наказуема. Председатель

колхоза из Ивьевского района Герой Социалистического Труда Владимир Баум наладил в своем хозяйстве выпуск помады. Она шла нарасхват в Беларуси и за ее пределами. Потекли немалые деньги в колхозную кассу, появились новые рабочие места. Ничто не предвещало беды, но она пришла, откуда Баум ее никак не ждал. На ответственном совещании Петр Миронович Машеров публично отстегал ивьевского председателя: «Хлеб надо республике, товарищ Баум, а не помада для финтифлюшек!» Вот так — не иначе. До рыночных отношений было еще топтать да топтать.

Дубко Бог миловал. Хотя у него этих «помад» — мех под завязку. Это и сад, и норки, и лошади, иковка металла, и многое другое.

Дубко был романтик. Любил красивые сады, поля, животных. А кто красивее лошади?

Долго идея зрела. Неравнодушный к спортсменам и спорту Александр Иосифович то собирался приобрести спортивных лошадей, то откладывал эту затею в долгий ящик. Он понимал: колхозов и совхозов с развитым коневодством — раз-два и обчелся. Он искал среди колхозных специалистов человека, который был бы, как и он, Дубко, одержим идеей спортивного коневодства. И не находил. Но вот пришел на преддипломную практику из Гродненского сельхозинститута Анатолий Трофимчук. Он смело, без тени боязни подходил к лихим жеребцам, было любо-дорого глянуть, как Трофимчук ухаживал за лошадьми, кормил их, разговаривал с ними. Это была вторая практика Трофимчука в «Прогрессе», и Дубко не однажды беседовал с ним, знал, что парень родом из-под Дрогичина. Ходил в школу в соседний Ивановский район, где физику преподавал потомственный казак, уроженец Ростовской области. Он привез из родных мест спортивные уздечки и седла. Велел беречь их как зеницу ока. Доверял их лучшим из лучших, особо выделяя среди них Толю.

При встрече с Анатолием Александр Иосифович обошел его со всех сторон, словно оценивая. Широкий в плечах, симпатичный.

— Хорош, парень! — улыбнулся. — Если согласен — зачисляем в штат.

— Спасибо, Александр Иосифович.

— Вот, мой юный друг, первое задание, поверь мне, ответственное, серьезное. Поедешь на Всесоюзный аукцион. купишь спортивных лошадей. Выбирай тщательно. Проси знатоков помочь. Если надо — не скупись на угощение. Торгуйся. Лишних денег у нас нет, но и мелочиться не будем: этаких коньков-горбунков у нас и своих хватает. Возникнут сомнения — звони хоть ночью.

Владимир Саулич. Романтик, обогнавший время

Первое задание Дубко оказалось далеко не простым. Лошадей на знаменитом конезаводе «Тервете» Трофимчук выбирал долго и тщательно. Непросто взять лучших, да еще не по баснословным ценам. Присматривался, разговаривал со специалистами, обслуживающим персоналом и даже лошадьми. Несколько раз звонил Дубко. Правда, среди белого дня, не ночью. За пятьдесят тысяч советских рублей купили двух жеребцов-производителей и пять конематок ганноверской и тракененской породы. Привезти их было непросто. Оборудовали машины, по дороге домой часто останавливались, разговаривали с животными, гладили, поили. Хотелось доставить их в наилучшей форме.

Александр Иосифович восхищенно смотрел на лошадей. Его лицо светилось, глаза сверкали.

— Чудо, да и только, — повторял раз за разом. Он не мог поверить, что за такие в общем-то небольшие деньги можно приобрести этаких красавцев. Он тут же распорядился закупить еще семь конематок и жеребца-производителя. Решили отныне сами разводить спортивных лошадей. Предстояло этим заниматься Трофимчуку. Александр Иосифович сказал подготовить приказ о его назначении заведующим племенной конефермой в деревне Табола.

— Дерзай! — напутствовал председатель. — Лишь одно пожелание: чтобы отрасль была прибыльной и чтобы мы не только покупали лошадей, но и продавали. Тогда будем на коне.

Легко сказать, на коне: колхозы и совхозы Беларуси сбывали своих лошадей за бесценок. Хозяйства беднели, все проклинали «горбатую» перестройку.

Немного позже, после раздумий, прикидок, подсчетов Александр Иосифович дал добро на строительство конноспортивного комплекса на 140 конематок с общим поголовьем в 400 голов.

Ни Трофимчук, ни сам Дубко даже предположить не могли, что их вертелишковские кони будут нести службу в Москве в президентском полку, конноспортивных клубах «Русский алмаз», «Битца», «Планерное»...

Василий Ревяко пошел дальше своего учителя. Достроив начатый Дубко комплекс, принял решение возводить хозспособом собственный манеж. Это был ответственный шаг. Выложить миллион долларов — не миллион рублей, но без манежа, профессиональных тренеров не подготовить хороших спортивных коней. Тем более к тому времени пришлось отказаться из-за невысокой рентабельности от продажи лошадей на мясо.

В других хозяйствах строительство манежа растянули бы на десятилетие, а в «Прогрессе» возвели его за четыре года. Так и хочется воскликнуть: школа Дубко!

Нынче более двадцати рабочих ухаживают за лошадьми. Шестеро из них занимаются тренингом.

В конноспортивной школе можно увидеть не только вертелишковцев и ребят из соседних деревень, но и гродненских юношей и девушек. Это и понятно: до областного центра рукой подать, всего лишь каких-то двенадцать километров. Уже подготовлены два мастера спорта, несколько кандидатов в мастера, не счесть разрядников.

Гродненщину он оставил лидером

Чтобы только перечислить сделанное Дубко за двадцать три года председательства, понадобилось бы исписать не одну страницу. Многие руководители СПК спешат защитить кандидатские диссертации, докторские, а Дубко о себе меньше всего думал. Он налаживал связи, заключал договора с объединением «Гомсельмаш»,

Белорусским институтом механизации сельского хозяйства, Рижским специальным конструкторским бюро и даже НИИ генетики и цитологии Академии наук БССР.

— Каждый рубль, вложенный в науку, многократно окупится, — утверждал Дубко и крайне редко ошибался.

Александр Иосифович не уважал коллег, строивших лишь фермы, хранилища, кормоцехи и ничего не делавших для людей.

Словно грибы после спорного дождя, в «Прогрессе» выростали не только птичники, тепличные комплексы, мебельный цех, мастерские, телятники, но и квартиры лучше городских, дома, бани. Вертелишки менялись на глазах, стали напоминать красивый ухоженный городок.

Десятый год председательства Дубко в «Прогрессе» порадовал самым высоким в Беларуси урожаем зерновых. С каждого гектара намолотили более 46 центнеров. Указом Президиума Верховного Совета СССР Александру Дубко было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина.

От корреспондентов, внезапно хлынувших в «Прогресс», не было отбоя, приезжали из Минска, Москвы. И все разыскивали Дубко. Герой, депутат Верховного Совета БССР, СССР.

— Если так и дальше пойдет, — жаловался жене Александр Иосифович, — то некогда будет работать. То интервью давай, то лети на совещания в Гродно, Минск, Москву. Я уже завидую белой завистью своим замам.

Не знал Александр Иосифович, что скоро придется расстаться с «Прогрессом».

Ему доверили гораздо более высокий пост — председателя Гродненского облисполкома. И здесь хозяйственный и управленческий талант Дубко раскрылся с новой силой.

— Однажды, — вспоминал при встрече Виталий Кремко, — Александр Иосифович заскочил в наш СПК без всякого предварительного звонка. Это нонсенс. Обычно помощники Дубко информировали о его приезде. Я в кабинете подписывал бумаги. Обнялись. Я предложил чаю. Александр Иосифович не отказался. Был он, как мне показалось, усталым.

— Устал, — признался он. — Ты вот мне скажи, почему так много недобросовестных людей? Ему доверяют район, а он дремлет. Рвать и метать хочется.

Я, конечно же, догадывался, что Дубко не просто так заехал в наш «Октябрь» и уж тем более не просто так затеял разговор о председателях райисполкомов. Мы в свое время в «Прогрессе» научились понимать друг друга с полуслова.

Видимо, Александр Иосифович прочел мои мысли и решил не тянуть:

— Предлагаю должность председателя райисполкома, — сказал, как выстрелил.

— Какого? — сорвалось у меня с языка.

— Есть выбор. Новогрудский — пожалуйста, твой родной, Кореличский — нет вопросов.

— Видно, я надоел тебе в Вертелишках, что хочешь бросить головой в омут.

Дубко неожиданно рассмеялся:

— Я так и думал: хитер Кремко, на голый крючок не клюнет. Это я авантюрист. Поманит что-то новое — и бросаюсь на слом головы в этот самый омут.

Владимир Саулич. Романтик, обогнавший время

Дубко для Гродненской области сделал не меньше, чем в свое время для «Прогресса». Принял область во время разрухи, когда летели под откос налаженные десятилетиями связи, а оставил лучшей в стране. Он поднял дух людей, заставил поверить в собственные силы.

Президент Александр Лукашенко не однажды сравнивал работу гродненского лидера с работой его коллег. И всегда эти сравнения были в пользу Александра Иосифовича. И то, что вот уже много лет подряд Гродненщина в лидерах по урожаю зерновых, удоям молока, привесам — немалая заслуга и Дубко.

Эпилог

Работая над повестью про Дубко, нельзя было не встретиться с Эммой Никифоровной, вдовой Александра Иосифовича. Эта встреча состоялась в кабинете Гродненского облсельхозстроя, где Эмма Никифоровна еще совсем недавно работала инженером первой категории. В кабинете радовало глаз море цветов. На стенах, подоконниках, в кадочках на полу. Хозяйка этого цветника гармонично смотрелась на фоне этих фикусов, кактусов... Мы разговаривали довольно долго. Эмма Никифоровна вспоминала детство, юность, институт, первые встречи с будущим мужем.

— Почему так рано Александр Иосифович ушел из жизни?

— Безотцовщина, нелегкое детство... И потом — он очень много брал на себя. Уже в тридцать два года — прединфарктное состояние.

— Каким он был человеком? Чем интересовался, кроме работы?

— Любил историческую литературу, песни военные. В исполнении Кобзона и Лещенко. Услышав однажды Хворостовского, загорелся идеей непременно попасть на его концерт. И мы ездили в Москву послушать Хворостовского. Долго вспоминали ту поездку.

— Голос у него от Бога! — говорил Саша.

— Тебя называют руководителем от Бога! — вставила я свои пять копеек.

— Может, и так, а может, не так, — улыбнулся он.

— Часто ли Александр Иосифович ездил в другие страны?

— Как правило, вместе ездили. Польша. Канада. США. Австралия. Мексика. Куба. Венгрия. Он — сверхлюбопытный. Интересовался историей этих стран, расспрашивал о сельском хозяйстве, промышленности. Рассуждал об опыте, который нужно перенимать. Жалел, что не знал иностранных языков и приходилось беседовать через переводчика. В 2001 году Саше посмертно Указом Президента присвоено звание Героя Беларуси. Трогаю его Звезды — и на глаза невольно наворачиваются слезы. Часто езжу в Вертелишки. Я благодарна Василию Ревяко, всем труженикам СПК, что выделили такое прекрасное место для бюста. Здесь ночная подсветка. Привожу всегда с собой розы. Их Саша особенно любил. Это его цветы. Наш старший сын Александр работал заместителем председателя Могилевского облисполкома. Возвратился в Гродно, думаю, чтобы поближе быть к отцу. Очень любит свои родные места. Володя трудится в проектной организации. Есть и внуки. Юля заканчивает в Москве ветеринарную академию, Дарья — школьница, а есть еще Кирилл и младшенькая, названная в честь деда Александрой.

Похоронен Александр Иосифович Дубко на кладбище объединения «Азот». Рядом могила Кремко. Вместе с Виталием Ильичом шли по жизни, рядом и вечный их приют.